

A digital illustration of a young woman with dark, wet hair and glowing yellow eyes, wearing a dark trench coat. She is looking over her shoulder at the viewer. The background is a rainy city street at night with blurred lights and a silhouette of a person walking away.

Ника Светлова

Я сукуб.

18+

Ника Светлова

Я сукуб.

<https://litres.ru/74644783>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мне четыреста двенадцать лет. Я не помню своего настоящего имени. Я питаюсь чужой жизненной силой, тем, что вы называете теплом, искрой, желанием жить. Я не убиваю без нужды. Но иногда голод сильнее меня.

У меня есть четыре правила. Не привязываться. Не кормиться с одного человека дважды. Не задерживаться в одном городе дольше трёх месяцев. Не смотреть в глаза дольше, чем нужно.

За четыреста лет я нарушила их все. Каждое нарушение стоило кому-то жизни.

А потом я встретила его. Следователя, который ищет пропавших женщин. Человека, от которого пахнет дождём и старой бумагой. Человека, который не должен был стать ничем, кроме еды.

Он не еда. Он — единственное, что я нашла за четыреста лет.

И теперь мне нужно найти способ не съесть того, кого я люблю. Пока голод не нашёл его первым.

Содержание

Часть первая. Голод	4
Глава 1. Правила, которые я нарушила	4
Глава 2. Мужчина в углу	7
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Ника Светлова

Я сукуб.

Часть первая. Голод

Глава 1. Правила, которые я нарушила

Меня зовут Ева. Это не настоящее имя, настоящего я не помню. Я выбрала его в Париже в 1782 году, когда мне показалось забавным называть себя именем первой женщины. Тогда я ещё находила в этом иронию. Сейчас мне не смешно.

Мне четыреста двенадцать лет по моим подсчётам. Я сбилась где-то в XVII веке, когда чума косила людей быстрее, чем я успевала их находить. Я — сукуб. Не демон в рогах и не инкуб из старых сказок. Я — хищник. Моя природа требует одного: чужой жизненной силы, энергии. Того, что вы называете душой, хотя это не совсем душа. Это — тепло. Искра. То, что заставляет человека просыпаться утром и хотеть жить.

Я забираю это. Не все сразу, тогда человек умирает, а мне

нужны живые. Я беру понемногу, оставляя достаточно, чтобы жертва могла восстановиться. Как пчела, которая берёт нектар, но не убивает цветок.

Но иногда я беру больше. Когда голод сильнее меня. Когда я устаю быть осторожной. Тогда люди умирают.

У меня есть правила. Они появились не сразу, я вывела их за четыре столетия проб и ошибок, и каждое правило стоило кому-то жизни. Я записала их. Не на бумаге — бумага горит. Внутри, на изнанке памяти, как клеймо.

Правило первое: не привязываться. Жертва должна быть расходным материалом. Как только ты начинаешь видеть в ней человека — ты проиграла. Нарушишь — будешь ходить по улицам и искать её лицо в чужих лицах. Годами. Столетиями.

Правило второе: не кормиться с одного человека дважды. Второй раз — это уже не питание, это отношения. А отношения — это смерть. Его или твоя. Я проверила. В Лиссабоне, в 1911-м. Мальчик был красивый, и я приходила к нему трижды. На четвёртый раз я не смогла остановиться. Его хоронили в закрытом гробу, и я стояла в толпе, и никто не знал, что я — причина. После похорон я уехала в Мадрид и три месяца не выходила из комнаты. Я не голодала, я просто не могла. Каждый раз, когда я пыталась взять у кого-то энергию, я видела его лицо мальчика из Лиссабона. Ему было девятнадцать. Он хотел стать врачом.

Правило третье: не оставаться в одном городе дольше трёх

месяцев. Люди начинают замечать. Сначала странную усталость после общения с тобой. Потом то, что ты не стареешь. Потом то, что рядом с тобой умирают.

Правило четвёртое: никогда не смотреть в глаза дольше, чем нужно. Глаза — это дверь. Если ты открываешь её слишком широко, в неё может войти что-то, чего ты не ждала.

Я нарушила все четыре. По порядку. И каждое нарушение я потом проговаривала себе, как приговор, который сама себе вынесла.

Но давайте по порядку.

Глава 2. Мужчина в углу

Бар назывался «Мерцание». Тусклый свет, тяжёлый бас, запах разогретого воска и чужих желаний. Я вошла в половине двенадцатого — не для того, чтобы пить. Я не пила алкоголь уже двести лет; мой организм не принимал ничего, кроме одного.

Я остановилась у входа, позволяя дверям закрыться за спиной, и вдохнула.

Ароматы.

Пожилой мужчина у стойки — горький, как перестоявший кофе. Устал от жизни, от жены, от кредитов. Питаться им всё равно что жевать картон. Слева, у окна, женщина с бокалом белого вина. Кислая, недозрелая. Только что рассталась с кем-то и пришла сюда, чтобы почувствовать себя живой. Она была бы лёгкой добычей, но я не любила лёгкое.

Я скользнула взглядом дальше.

И замерла.

Он сидел в дальнем углу, один, перед ним стоял нетронутый виски. Мужчина лет тридцати пяти. Тёмные волосы, небрежно зачёсанные назад. Рукава рубашки закатаны до локтей — привычка человека, который не любит чувствовать себя скованным. Он смотрел не в телефон, не на сцену. Он смотрел сквозь, в пустоту перед собой, и в этой пустоте

было столько всего, что я почувствовала, как у меня пересохло в горле.

Запах.

Я прикрыла глаза. От него пахло... дождём. Мокрым асфальтом. Старой бумагой. И чем-то ещё с горьковатой ноткой на излёте. Это был запах человека, который давно не спал, много думал и потерял что-то важное, но ещё не сдался.

Я открыла глаза.

Так пахнет не еда.

Так пахнет искушение.

Я знала это чувство. Оно приходило раз в несколько десятилетий, когда среди миллионов пустых оболочек попадалась одна, которая могла не просто накормить, а насытить. Такие люди были редки и опасны. Потому что после них невозможно было вернуться к суррогату.

Я сделала шаг вперёд.

Его звали Илья. Илья Кротов, тридцать шесть лет, следователь по особо важным делам. Так было написано в его удостоверении, которое я мельком увидела, когда он расплачивался. Он расследовал исчезновения. Люди пропадали в этом городе каждую неделю — обычная статистика для мегаполиса, где каждый день кто-то решает начать новую жизнь или закончить старую.

Но эти исчезновения были другими.

Я знала о них. Я чувствовала их. Каждый раз, когда в го-

роде появлялся кто-то вроде меня или хуже, воздух становился плотнее, как перед грозой. Я научилась распознавать этот запах за столетия: запах чужого голода.

В этом городе был ещё один. И он не соблюдал правила.

Илья сидел в баре «Мерцание» и думал о том же. Я видела это по тому, как он сжимал стакан — не пил, просто держал, и по тому, как его взгляд время от времени возвращался к блокноту, лежащему перед ним. В блокноте были фотографии. Я разглядела их краем глаза: молодые женщины, все похожи на меня. Не внешне — по типуажу. Худые, темноволосые, с чем-то неуловимым в выражении лица. Что-то, что притягивает взгляд и не отпускает.

Он искал меня или кого-то очень похожего.

Я села за стойку в двух метрах от него и заказала мартини, который не собиралась пить. Бармен — молодой парень с усталыми глазами поставил бокал передо мной и задержал взгляд на моих пальцах. Я носила кольцо с чёрным камнем на безымянном пальце левой руки. Привычка, оставшаяся от прошлой жизни. Или от прошлой смерти.

— Вы кого-то ждёте? — спросил бармен.

— Нет, — сказала я. — Я уже нашла.

Он не понял. Люди редко понимают.

Илья поднял голову. Наши взгляды встретились на долю секунды, не больше.

«Правило четвёртое», — подумала я. — «Не смотри». Я отвела глаза первой. Это было ошибкой. Не потому, что я

выдала себя. Потому что он это заметил.

— Вы здесь впервые, — сказал он.

Я повернулась к нему. Улыбнулась улыбкой, которую оттачивала столетиями. Той, что заставляет мужчин забывать собственные имена.

— А вы всегда так внимательны к незнакомкам?

— Только к тем, кто сидит в двух метрах от меня и смотрит в пустоту, как будто видит там что-то, чего не вижу я.

Он был умён. Это плохо. Умные люди позже понимают, что с ними происходит, и задают больше вопросов. Но они же и интереснее. Их энергия глубже и насыщеннее, как хорошее вино вместо дешёвого пойла.

— Я смотрела на вас, — сказала я. — Не в пустоту.

— Ещё лучше, — сказал он и улыбнулся. У него была усталая улыбка человека, который давно не улыбался искренне. — Илья.

— Ева.

— Красивое имя.

— Оно мне подходит.

Мы проговорили два часа. Я не собиралась — это было частью плана. Я хотела узнать, что он знает. Насколько близко подошёл. Но чем дольше мы говорили, тем меньше мне хотелось играть роль. Я ловила себя на том, что отвечаю честно. Что смеюсь не по расчёту. Что мне интересно, что он скажет дальше.

«Правило первое», — сказала я себе. — «Ты привязыва-

ешься. Прекрати». Я не прекратила.

Он рассказывал о работе об исчезновениях, о том, что все жертвы были женщинами, которые вели ночной образ жизни. О том, что тела не находили. О том, что единственное, что их объединяло, — это странная усталость за несколько дней до исчезновения. «Как будто из них высосали жизнь», — сказал он, и я почувствовала, как моё сердце, которое не билось уже четыреста лет, сделало один удар.

— А вы? — спросил он. — Чем занимаетесь?

— Реставрирую картины, — сказала я. Это было правдой. Я действительно реставрировала картины. Старые полотна, которые помнили больше, чем я. Я возвращала им жизнь, которую они почти потеряли. Это было единственное, что я умела создавать, а не разрушать.

— Значит, вы возвращаете к жизни то, что умерло.

— Иногда.

— А людей?

Я посмотрела на него, нарушая четвёртое правило уже во второй раз за вечер.

— Людей я не реставрирую, — сказала я тихо. — Люди — это не картины. Их нельзя починить, просто добавив красок.

Он не отвёл взгляда. И в этот момент я поняла, что он уже знает. Не то, кто я. Но то, что я — не совсем человек. Он чувствовал это так же, как я чувствовала его запах.

— Может быть, — сказал он. — Но иногда достаточно просто не дать им умереть.

Мы вышли из бара вместе. Он предложил проводить. Я согласилась, хотя знала, что это нарушает все правила. Мы шли по ночному городу, и он рассказывал о своей дочери, которая умерла три года назад. Лейкемия. Восемь лет. Он показывал мне фотографию в телефоне, девочка с его глазами и чужой улыбкой. Он говорил о ней, и его голос не дрожал. Он уже выплакал всё, что мог, и теперь внутри него была только тихая, ровная пустота.

Вот что я почувствовала в нём. Не боль. Боль — это когда что-то болит. У него не болело. У него было пусто. И эта пустота была такой глубокой, что я могла бы заполнить её собой.

— Я не должна была этого говорить, — сказала я, когда мы остановились у моего дома. — Но я рада, что вы мне рассказали.

— Почему не должны?

— Потому что мы едва знакомы.

— Иногда едва знакомые люди — единственные, кому можно рассказать всё.

Он посмотрел на меня. В его глазах не было ни похоти, ни расчёта. Только любопытство и что-то ещё, чему я не сразу нашла название. Потом нашла.

Надежда.

Он надеялся, что я та, кто сможет понять.

Он ошибался, но я не стала его разубеждать.

— Спокойной ночи, Илья, — сказала я и вошла в подъезд,

не оборачиваясь.

Дома я села на пол в тёмной комнате, прислонилась спиной к стене и просидела так до рассвета. Я не могла его съесть. И не могла отпустить.

Правило первое. Правило четвёртое. Я нарушила их оба за один вечер.

Впервые за четыреста лет я не знала, что делать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.